

Научная статья/Research Article

УДК 903.23(571.52)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-05)

EDN: IMWPHN

БРОНЗОВЫЕ КОТЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ХОНДЕРГЕЙ-22-2 (ПОЗДНИЙ ПЕРИОД УЮКСКО-САГЛЫНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, III–II ВВ. ДО Н.Э.)

**Анатолий Владимирович Семенов^{1*}, Валерия Леонтьевна
Денисенко², Сергей Владимирович Хаврин³**

¹Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия;
blaze85@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6655-1783>

²Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; Новосибирский
государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия;
valerialeontyevna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2642-1415>

³Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия;
sergekhevavrin@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8388-0899>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. Статья посвящена комплексному анализу находок двух бронзовых котлов, обнаруженных отрядом ТАЭ ИИМК РАН при раскопках курганного могильника позднескифского времени Хондергей-22-2 в 2021 г. Дается краткое описание истории изучения бронзовых котлов, типологии которых составлялись неоднократно. Впервые на территории Тувы были обнаружены два бронзовых котла в закрытом комплексе уюкско-саглынской культуры озен-ала-белигского этапа. Захоронение находилось в глубокой яме, в сильно разрушенном срубе, который, по-видимому, был ограблен в древности, однако многие предметы сохранились *in situ*. Мы исследовали состав металла, конструктивные и художественные особенности обнаруженных нами котлов. По результатам технологического анализа предметов наиболее вероятно предположение, что они изготавливались специально для погребения. Облик котлов сочетает черты, характерные для изделий скифского времени и последующего периода господства хунну, и не подходит ни под одну существующую типологию бронзовых котлов. В III в. до н.э., с началом озен-ала-белигского этапа, фиксируются изменения в погребальном обряде и инвентаре уюкско-саглынской культуры. Возникает широкое разнообразие типов погребальных конструкций, в захоронениях появляется керамика. Хотя наши находки не имеют установленных полных аналогов, мы приводим ряд схожих в той или иной мере изделий с территории Саяно-Алтая и из Монголии, Казахстана и Китая. Данные параллели позволяют более полно раскрыть проблематику культурных контактов между различными регионами Центральной Азии, обозначить возможные маршруты влияний.

Ключевые слова: Тува, уюкско-саглынская культура, озен-ала-белигский этап, бронзовые котлы, скифское время, хунну

Благодарности: исследование выполнено (А.В. Семеновым) в рамках реализации Госзадания Минобрнауки в сфере научной деятельности (код FNZF-2022-0014); исследование выполнено (В.Л. Денисенко) за счет гранта Российского научного фонда №22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121>.

Для цитирования: Семенов А.В., Денисенко В.Л., Хаврин С.В. Бронзовые котлы из могильника Хондергей-22-2 (поздний период уюкско-саглынской культуры, III–II вв. до н.э.) // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №2. С. 92–106. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-05)

BRONZE CAULDRONS FROM THE HONDERGEY BURIAL GROUND 22-2 (LATE PERIOD OF THE UYUK-SAGLA CULTURE, THE 3RD–2ND CENTURIES BC)

Anatoliy V. Semenov^{1*}, Valeria L. Denisenko², Sergey V. Khavrin³

¹Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia;

blaze85@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6655-1783>

²Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences; Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia;
valerialeontyevna@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2642-1415>

³State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia;
sergekhavrin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8388-0899>

*Corresponding Author

Abstract. This article is devoted to a comprehensive analysis of the finds of two bronze cauldrons discovered by the Tuvan archaeological expedition of IHMK RAS during the excavation of the Late Scythian burial mound Hondergey-22-2 in 2021. We brought a brief description of the history of the study of bronze cauldrons, the typologies of which have been compiled repeatedly. The context of the burial of Hondergey-22-2 is described, where cauldrons were found — the burial was in a deep pit, in a heavily destroyed log cabin, which apparently was robbed in ancient times, but many objects were preserved *in situ*. We investigated the composition of the metal, the design and artistic features of the cauldrons we discovered. It is likely that they were made specifically for burial, the appearance of the cauldrons combines features equally usual for the Scythian period and the subsequent period of the rule of Xiongnu. Although our findings do not have established complete analogues, we present a number of products that are similar in one way or another, both from the territory of Sayano-Altai, and from Mongolia, Kazakhstan and China. These parallels allow us to more fully reveal the problems of cultural contacts between different regions of Central Asia, to identify possible routes of influence.

Keywords: Tuva, Uyuk-Sagly culture, Ozen-ala-Beliga stage, bronze cauldrons, Scythian time, Xiongnu

Acknowledgements: the study was carried out (A.V. Semenov) as part of the implementation of the State Task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (code FNF-2022-0014); the study was carried out (V.L. Denisenko) at the expense of the grant from the Russian Science Foundation No. 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121>.

For citation: Semenov A.V., Denisenko V.L., Khavrin S.V. Bronze Cauldrons from the Hondergey Burial Ground-22-2 (Late Period of the Uyuk-Sagla Culture, the 3rd–2nd Centuries BC). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(2):92–106. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-05](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-05)

Введение

Металлические котлы получают широкое распространение с началом раннего железного века. Они занимают особое положение в культурах скифского облика и в дальнейшем являются атрибутами власти, знаками достатка и процветания того или иного родоплеменного объединения древних кочевников. Котлы являются сравнительно редкими находками, в то же время они широко представлены по всему Поясу Степей, от Китая до Причерноморья. Выполненные в основном в сходной технологической и художественной традиции, бронзовые котлы сопровождают захоронения представителей знати и присутствуют в ритуальныхкладах (Боковенко, 1981, с. 42).

Металлическим котлам эпохи раннего железного века, обнаруженным на территории Центральной Азии, Южной Сибири и Северного Китая, посвящено значительное количество научных исследований. Подробно рассматривала классификацию бронзовых котлов Н.Л. Членова (1967). В 1977–1993 гг. Н.А. Боковенко был издан ряд работ, посвященных бронзовым котлам, включающих очень представительную выборку (Боковенко, 1977, 1981; Боковенко, Засецкая, 1993). Его исследования коснулись котлов как скифского типа, так и сарматских и хуннских. С.В. Демиденко (2008) приводит множество аналогий из Центральной Азии и Китая, вводя собственную типологию, хотя его главный труд посвящен территориям Нижнего Поволжья и Южного Зауралья. Е.Ю. Спасская и Г.А. Базарбаева исследовали и предложили свою типологию для многочисленных бронзовых котлов Киргизии и Казахстана (Металлические котлы..., 2017). Котлам хуннского времени посвящены исследования М. Эрди (Érdu, 1994), Л.С. Марсадолова (2018), Такахамы Шу (2013).

Данная статья посвящена комплексному анализу двух бронзовых котлов из погребения в кургане №2 на могильнике Хондергей-22 (Западная Тува). На территории Тувы бронзовые котлы являются исключительной редкостью. Известно всего шесть случайных находок, один целый котел — находка на р. Барык, еще пять, найденные в районе Чаа-Холя, представлены фрагментарно (Кызласов, 1979, с. 52–53). В закрытых комплексах находки так же редки. Для раннескифского времени известны два котла, сопровождавших «царское» погребение в кургане Аржан-2 (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017, с. 70), в период после скифского времени имеются находки С.И. Вайнштейна на могильнике Кокэль (Вайнштейн, Дьяконова, 1966, с. 282, табл. V-12; Вайнштейн, 1974, рис. 29.-1). В комплексах позднескифского времени (период существования уюкско-саглынской культуры — V–II вв. до н.э.) подобных находок до недавнего времени не было.

Перед нами стоит задача описания двух бронзовых котлов из курганного погребения Хондергей-22-2, технологий и торовитических приемов, применявшихся при их изготовлении, анализ составных элементов данных изделий для определения их места в существующих типологиях бронзовых котлов, поиск аналогий как в Туве, так и за ее пределами.

Материалы и методы

В июле — сентябре 2021 г. под научным руководством Вл.А. Семенова, М.Е. Килуновской и сотрудников Тувинской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Российской академии наук силами отряда ООО «Красноярская Геоархеология» были проведены охранно-спасательные археологические раскопки в Дзун-Хемчиском районе Республики Тыва в зоне проектируемого капитального ремонта автодороги Р-257 «Енисей» (участок км 1046 — км 1066). Исследования проводились на девяти

курганных могильниках в долине р. Хондергей, где было раскопано 27 объектов (Килуновская и др., 2021, с. 139). Авторами данной статьи были проведены исследования курганов №1 и 2 на раскопе 3 на территории «Курганного могильника Хондергей-22». Могильник представляет собой многочисленные цепочки однотипных курганов, вытянутых в направлении примерно ЮЗ–СВ, вдоль долины р. Хондергей. Курганные насыпи имеют диаметр 10–20 м при высоте 0,5–1,5 м, в центрах насыпей фиксируются глубокие, хорошо видимые западины. Курганы, которые мы исследовали, находились в самой южной, ближайшей к реке цепочке, состоящей из трех насыпей.

Рис. 1. Вид погребения в кургане Хондергей-22-2, бронзовые котлы 1 и 2 in situ

Fig. 1. View of burial in the Hondergey mound-22-2, bronze cauldrons 1 and 2 in situ

Особый интерес представляет курган №2. Его наземное сооружение имело диаметр около 15 м при высоте 70 см, в центре фиксировалась западина глубиной 1,5 м. Ширина могильной ямы около 5,5 м по верхнему контуру, на глубине немногим менее метра имеется приступок, ширина ямы в нижней части — 3,5×3,5 м. В заполнении ямы масса камней, древесных щепок маркируют грабительский ход шириной около 2 м. Погребальная камера — бревенчатый сруб сохранился частично, будучи сильно разрушен при ограблении. Предположительно он имел три венца в высоту и был сложен из тесаного бруса, возможно, толстой доски. Ориентирован углами по сторонам света. В срубе было захоронено восемь индивидов — частично скелеты были потревожены грабите-

лями или при подхоранивании новых покойников. Целые скелеты располагались в западной части сруба, в скорченных позах, головами на северо-запад. В срубe кургана №2 сохранилось значительное количество артефактов, зафиксированных по большей части *in situ* (Килуновская и др., 2021, с. 159). Среди них были обнаружены и два бронзовых котла, которые находились в восточном углу сруба, на уровне пола погребальной камеры, возле ног индивида №3 (рис. 1). В котле №1 находились кости ног домашней овцы.

По особенностям конструкции погребальных сооружений — относительно глубоким (3,5 м на кургане №2) могильным ямам, наличием выраженных курганных насыпей над могилами данные захоронения в процессе раскопок были отнесены к уюкско-саглынской культуре скифского типа (V–III вв. до н.э.). Однако представленный в захоронениях комплекс предметов погребального инвентаря позволяет отнести их к позднему периоду данной культуры — озен-ала-белигскому этапу, III–II вв. до н.э. Радиоуглеродная дата, полученная по дереву из сруба кургана №2, также указывает на III в. до н.э.

Озен-ала-белигский этап является завершающим периодом скифского времени в Туве. Его отличительными чертами является большое разнообразие форм как наземных, так и подземных частей погребальных сооружений, а также характерный сопроводительный инвентарь в погребениях. Это комплекс предметов, сочетающий вещи скифского облика: предметы вооружения, керамическую посуду, украшения — и набор «предметов-маркеров», нетипичных для скифских захоронений, но отражающих новшества в материальной культуре, связанные с формированием культуры хунну.

Обнаруженные на Хондереге-22-2 бронзовые котлы вызывают особенный интерес, так как причудливо сочетают различные черты, делающие затруднительной их типологическую привязку.

Бронзовый котел №1 (рис. 2) имеет полусферическую (овально-уплощенную) форму тулова с сужающимися к устью стенками. Венчик отогнут наружу, скошен внутрь, утолщен. Котел имеет носик-слив в виде дуговидного желоба. Две П-образные в сечении ручки расположены по бокам котла, несколько смещены к носику. Они прикреплены под небольшим углом к тулову котла. По всей поверхности тулова располагаются четыре рельефные горизонтальные шнуровидные линии. Поддон имеет вид усеченного конуса с тремя трапециевидными отверстиями.

Размеры котла: высота всего изделия — 34 см, глубина тулова — 20 см, высота поддона — 8 см. Диаметр венчика — 23 см, диаметр в средней части тулова — 24,0 см, нижней части поддона — 10,5 см.

Бронзовый котел №2 (рис. 3) имеет яйцевидную форму тулова, венчик высокий, воронковидный, отогнут наружу. Тулово гладкое, декорировано двумя рельефными горизонтальными шнуровидными линиями. Присутствует только одна вертикальная дуговидная ручка, круглая в сечении и с грибовидным отростком (гвоздевидным выступом по Н.Л. Членовой), от второй остались лишь следы припайки, они расположены под углом к стенкам сосуда. Поддон удлиненный, в виде усеченного конуса с двумя вытянутыми узкими неправильно-треугольными отверстиями.

Размеры котла: высота всего изделия — 31 см, глубина тулова — 20 см, высота поддона — 9,5 см. Диаметр венчика — 22 см, диаметр в средней части тулова — 20 см, нижней части поддона — 9 см.

Рис. 2. Бронзовый котел №1

Fig. 2. Bronze cauldron No. 1

Рис. 3. Бронзовый котел №2

Fig. 3. Bronze cauldron No. 2

Элементный состав металла. Оба котла отлиты из мышьяковистой бронзы с набором рудных примесей (никель, висмут, железо, сурьма и серебро). Особенность сплава — наличие среди этих примесей висмута при отсутствии свинца⁷. Предметы из такого металла встречаются не часто, в Туве — Туннуг (Садыков, Каспари, Блохин, 2021, табл. 2), на Алтае — Боротал-1 (Хаврин, 2007, табл.), в Хакасии — Июсский клад (Бородовский, Тишкин, Хаврин, 2012, табл. 1, 2), в Монголии — могильник Улиаситай, раскопки А.А. Ковалева (результаты анализов не опубликованы). Наиболее близкими памятниками хронологически и территориально с изделиями из аналогичного металла являются могильники Ала-Тей-1 (в печати), Суглуг-Хем (Хаврин 2003, табл. 2, №85) и Терезин (Khavrin, 2011, tab.; Хаврин, 2016, табл.).

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа на спектрометре ArtTAX (Brüker)

Results of X-ray fluorescence analysis on ArtTAX spectrometer (Brüker)

№	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Fe	Ni	Bi
121	Котел	Осн.	3–4	–	–	–	Сл.	Сл.	~1	<0,2
	Заплата	Осн.	4–5	–	–	Сл.	Сл.	<0,2	~1	Сл.
122	Котел	Осн.	3–4	–	–	Сл.	Сл.	–	~1	Сл.
	Заплата	Осн.	1,5–2	–	–	Сл.	Сл.	Сл.	~1	Сл.

Использование металла одного состава говорит о том, что котлы были изготовлены в одной «мастерской» или поблизости, одновременно, при этом использование различных элементов и приемов свидетельствует о глубоком взаимопроникновении идей и технологий на рубеже скифского и хуннского периодов.

Другой интересной особенностью котлов из Хондергея-22-2 являются литейные браки и признаки починки — заплата. Анализ металла данных заплаток показал его идентичность металлу котлов, следовательно, починка происходила там же, где котлы изготавливались. Следов использования найденные нами котлы не несут, на ручках и поддонах сохранились незаглаженные остатки литейных швов — остатки металла, при отливке затекающие в щели на стыках литейных форм. Вполне вероятно, что данные котлы изготавливались специально для погребения.

Обсуждение

Котлы из Хондергея-22-2 сильно различаются. Первый котел, имеющий овально-уплощенную форму тулова с ручками по бокам и носик, по ряду типологических признаков — форме тулова, поддона, отверстий в поддоне, наличию шнурового орнамента может быть отнесен к хуннским котлам II в. до н.э. — II в. н.э. по типологии Н.А. Боковенко и И.П. Засецкой, ко второму варианту I типа подтипа «Е» по классификации Н.А. Боковенко (Боковенко, Засецкая, 1993, с. 76–77). Однако расположение ручек по бокам и наличие носика-слива в сочетании с прорезным поддоном делает данный предмет атипичным. Прямых аналогий ему мы не обнаружили.

⁷ Результаты рентгенофлуоресцентного анализа на спектрометре ArtTAX (Brüker). 2022 г.

К вопросу об аналогиях котлам из Хондергея-22-2: следует вначале рассмотреть находки с территории Тувы и ближайших регионов — Убсунурской и Минусинской котловин. Находки такого рода в Туве чрезвычайно редки и относятся к раннескифскому времени (Аржан-2) или же к раннему средневековью (Кокэль).

Частичные аналогии можно провести с некоторыми котлами из Минусинской котловины, которые находятся в фондах Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова. Котлы, имеющие носик-слив (как закрытый слив в виде трубки, так и открытый, типа желоба, с различным расположением ручек), представлены здесь несколькими экземплярами (рис. 4.-1). А.А. Спицин в начале прошлого века даже выделял отдельный тип бронзовых котлов на основании наличия слива-носика в форме трубочки под верхним обрезом тулова под наименованием «котелки „минусинского“ типа» (Спицин, 1915, с. 8, 14, рис. 18, 32). Котлы с носиками из Минусинска имеют поддоны без прорезей, удлиненные и расширяющиеся раструбом, что характерно для скифских котлов. Изделия из Минусинска отличают также большие размеры и массивность.

Форма тулова и наличие слива сближает наш котел с котлом из Нижнего Притомья из Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (рис. 4.-2). Он был датирован с вероятной верхней датой в пределах середины III в. до н.э. (Плетнева, Мец, 1999, с. 20–23, 25, рис. 2, фото 1), что соответствует дате, полученной для кургана №2 могильника Хондергей-22. К сожалению, у этого котла отсутствует поддон.

Еще одна находка, которую хотелось бы упомянуть, — бронзовый чайник из элитного кургана хунну Хух удзуурийн-II-1 в Монголии (Ковалев, Эрдэнэбаатар, Идэрхангай, 2011; Ожередов, 2018). Этот предмет является именно чайником, а не котлом, однако короткий носик (хоть и другой конструкции), высокий прорезной поддон и одиночный грибовидный выступ на ручке сближают его с котлом №1 из Хондергея-22-2 (рис. 4.-3).

Частичные аналогии котлу №1 встречаются среди материала из Жетысу в Казахстане, где расположение ручек по бокам является достаточно типичным, также присутствует несколько экземпляров с носиками (рис. 4.-4) (Металлические котлы..., 2017, с. 255–257, 259). Как и котлы с носиками с территории Минусинских котловин, изделия из Казахстана относятся к более раннему периоду и для данных групп котлов поддоны с отверстиями не известны.

Второй котел мог бы быть отнесен к котлам скифского типа, с которыми его сближает форма тулова, удлиненно-конический поддон, наличие грибовидного выступа на ручке (рис. 4.-5–12). Котлы с данным набором признаков распространены чрезвычайно широко: от Ордоса и Синцзяна до Западного Причерноморья (Топап, 2020, рис. 7). Весьма близкой аналогией является случайная находка в районе ручья Барык в Центральной Туве (Кызласов, 1979, с. 51–53). Он имеет идентичную форму, одиночные грибовидные выступы на ручках, а также форму поддона, но сам поддон сплошной, без прорезей. Как раз наличие прорезных поддонов вместе с П-образным сечением ручек выделяют находки из Хондергея-22-2 среди аналогий скифского времени и позволяют отнести изделия из данного кургана к гунно-сарматскому периоду.

Данные элементы представлены на многочисленных находках II в. до н.э. — II в. н.э. (рис. 4.-13–17) с территорий Китая, Монголии, Забайкалья (Боковенко, Засецкая, 1993, с. 79–80; Такахама Шу, 2013, с. 229–232).

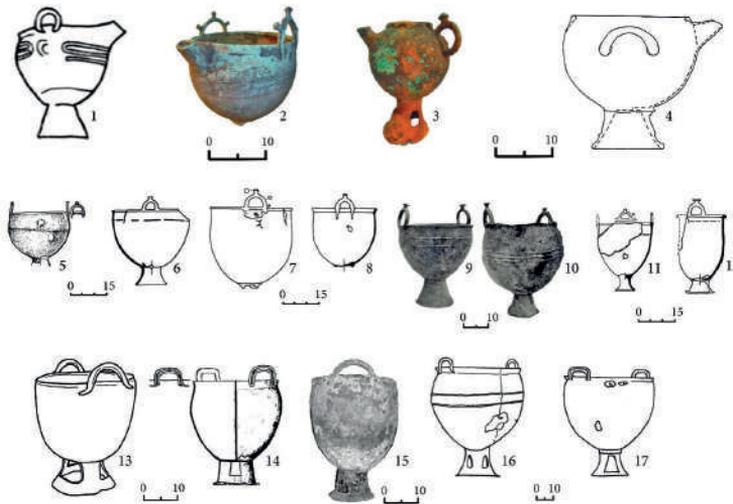

Рис. 4. 1 – Салба, Минусинск (по: Боковенко, 1981, рис. 1); 2 – случайная находка из нижнего Притомья (по: Ожередов, 2018, рис. 2); 3 – курган Хух-Удзурийн II-1 (по: Ожередов, 2018, рис. 1); 4 – фонды музея КНПУ им. Абая. Возможно, Широкая Щель, г. Алматы (по: Металлические котлы..., 2017, рис. 71); 5 – могильник Донской к. 1 п. 3 (по: Демиденко, 2008, рис. 154); 6 – Оренбургская обл. Случайная находка (по: Демиденко, 2008, рис. 155); 7 – могильник у пос. Белокаменка к. 6 п. 5 (по: Демиденко, 2008, рис. 80); 8 – могильник Котлубань-5 к. 1 п. 4 (по: Демиденко, 2008, рис. 80); 9 – Тагарский котел из коллекции НМРТ, Минусинская котловина (по: Кызласов, 1979, рис. 15); 10 – случайная находка у р. Барык, Тува (по: (Кызласов, 1979, рис. 15); 11 – случайная находка на Золотой Косе Миусского полуострова (по: Демиденко, 2008, рис. 82); 12 – курган №2 на р. Миас (Демиденко, 2008, рис. 82); 13 – котел из Северного Китая (Боковенко, Засецкая, 1993, рис. 5); 14 – Дырестуйский могильник (Такахама, 2018, рис. 1); 15 – Тамир (по: Такахама, 2018, рис. 6); 16 – Иволгинский могильник, Забайкалье (по: Боковенко, Засецкая, 1993, рис. 4); 17 – Сава, Забайкалье (по: Боковенко, Засецкая, 1993, рис. 4)

Fig. 4. 1 – Salba, Minusinsk (according to: Bokovenko, 1981, Fig. 1); 2 – A random find from the lower Tomye (according to: Ozheredov, 2018, Fig. 2); 3 – The Khukhudzuriyn-II-1 Kurgan (according to: Ozheredov, 2018, Fig. 1); 4 – Funds of the KNPU Museum named after Abaya. Perhaps a Wide gap. Almaty (according to: Metal boilers..., 2017, Fig. 71); 5 – Burial ground of Donskoy k. 1 p. 3 (according to: Demidenko, 2008, fig. 154); 6 – Orenburg region. Accidental find (according to: Demidenko, 2008, fig. 155); 7 – Burial ground near the village of Belokamenka k. 6 p. 5 (according to: Demidenko, 2008, Fig. 80); 8 – Kotluban burial ground 5 to 1 p 4 (according to: Demidenko, 2008, Fig. 80); 9 – Tagarsky cauldron from the NMRT collection, Minusinsk basin (according to: Kyzlasov, 1979, Fig. 15); 10 – Accidental find near the Baryk river, Tuva (according to: Kyzlasov, 1979, Fig. 15); 11 – An accidental find on the Golden Spit of the Mius Peninsula (according to: Demidenko, 2008, Fig. 82); 12 – Kurgan 2 on the Mias River (Demidenko, 2008, Fig. 82); 13 – A Cauldron from Northern China (Bokovenko, Zasetskaya, 1993, Fig. 5); 14 – Dyrrestui burial ground (Takahama, 2018, Fig. 1); 15 – Tamir (according to: Takahama, 2018, Fig. 6); 16 – Ivolginsky burial ground, Transbaikalia (according to: Bokovenko, Zasetskaya, 1993, Fig. 4); 17 – Sava, Transbaikalia (according to: Bokovenko, Zasetskaya, 1993, Fig. 4)

Отверстия на поддонах котлов из Хондергея различаются: в первом случае они имеют трапецевидную, во втором — неправильно-треугольную форму; согласно типологии Л.С. Марсадолова это разные хронологические маркеры: удлинено-треугольные прорези соответствуют II в. до н.э., трапецевидные — появляются с I в. н.э. (Марсадолов, 2018). Тем не менее не подлежит сомнению единовременное попадание котлов в погребение кургана Хондергей-22-2, как и то, что они изготовлены из идентичного по составу металла.

Как предполагает Н.А. Боковенко, распространение котлов нового типа происходило с территорий северного и западного Китая на территорию Монголии и далее вдоль маршрутов расселения и влияния Хунну в Прибайкалье (Боковенко, Засецкая, 1993, с. 78). Однако датировка комплекса Хондергей-22-2 — конец IV — начало II в. до н.э., (2240±80) в случае принятия усредненной даты — III в. ставит перед исследователями вопросы пересмотра маршрутов распространения новшеств, традиционно связываемых с влиянием хунну. Уместным здесь будет упомянуть находку наконечника стрелы с костяной свистункой из уюкско-саглынского погребения в срубе на могильнике Чирик-Даш в северо-западной Туве, также имеющем датировку IV–III вв. до н.э.

Заключение

Металл, из которого отлиты котлы, фиксируется в Туве и за пределами, в Монголии, на Алтае, в Минусинских котловинах, однако памятники, где он встречается, разделены хронологически и территориально и относительно малочисленны. Поэтому район, откуда происходит бронза данного состава, и место изготовления котлов остаются под вопросом.

Отсутствие следов использования говорит о том, что данные котлы изготавливались специально для погребения, как жертва или символ статуса погребенных. Кости домашней овцы, помещенные в котел №1, говорят об использовании котлов для заупокойной пищи, сопровождавшей умершего на том свете или же ритуально разделявшейся между живыми и мертвыми в процессе поминальной трапезы.

При этом качество отливки достаточно низкое, размер котлов сравнительно невелик; вероятно, мы имеем дело с имитациями неких более престижных изделий с территорий Китая, Монголии или Минусинских котловин. Основное «технологическое новшество» — прорезной поддон, который мог иметь функциональное значение, например для более удобной вьючной транспортировки котлов. Важно отметить, что прорезной поддон, получивший широкое распространение в хунно-сяньбийское время в Евразии, сохранялся вплоть до древнетюркского времени (Бородовский, Новиков, 1999). Однако кроме более удобной транспортировки прорезной поддон может присутствовать и просто для экономии материала.

Котлы из погребения Хондергей-22-2 не находят прямых аналогий благодаря сочетанию конструктивных элементов скифских и хуннских изделий. Взаимопроникновение культурных и технологических традиций проступает еще отчетливее, когда мы обращаем внимание на другие находки из Хондергея-22-2 — ожерелье из подвесок-котелков, биметаллический акинак, керамику (Килуновская и др., 2021, с. 159). Этим предметам будут посвящены самостоятельные исследования.

Отдельного осмысления требует ранняя (для памятников озен-ала-белигского этапа) датировка погребения Хондергей-22-2. Появление в комплексах уюкско-саглынской культуры (V–II вв. до н.э.) предметов, нетипичных для скифского погребального инвентаря, традиционно рассматриваемых как предметы-маркеры хуннского влияния, связывается с усилением влияния хунну во II в. до н.э. Тем не менее уже в III в. до н.э., с началом озен-ала-белигского этапа, фиксируются изменения в погребальном обряде и инвентаре уюкско-саглынской культуры. Возникает широкое разнообразие типов погребальных конструкций, в захоронениях появляется керамика. Возможно, происходят процессы проникновения инородных групп населения в Туву, как следствие усиления торговых и политических связей между различными регионами Центральной Азии, и в результате возникают новые технологические и художественные приемы.

В качестве основных направлений контактов населения Тувы в позднескифское время могут рассматриваться территории Минусинских котловин, Верхнего Приобья, Монголии, северного и западного Китая, прилегающие районы Казахстана. Вероятно то, что территория Саяно-Алтая выступала в этих контактах не просто в качестве посредника или некоей нейтральной области, а принимала непосредственное участие в сложении новых типов кочевнических культур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Боковенко Н.А. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе // Советская археология. 1977. №4. С. 228–235.

Боковенко Н.А. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1981. С. 42–52.

Боковенко Н.А., Засецкая И.П. Происхождение котлов «гуннского» типа Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей Восточной Европы // Петербургский археологический вестник. 1993. №3. С. 73–88.

Бородовский А.П., Новиков А.В. Средневековый котел из долины реки Кучерла (горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. С. 288–295.

Бородовский А.П., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Предварительные результаты исследований состава металла изделий Июсского клада (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. С. 175–179.

Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. М. : Наука, 1974. 224 с.

Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н.э. — первых веков н.э. // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции (1959–1960). Т. II. М.; Л., 1966. С. 185–291.

Демиденко С.В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. — III н.э.). М. : Эдиториал УРСС, 2008. 328 с.

Килуновская М.Е., Семенов Вл.А., Ключников Т.А., Галухин Л.Л., Денисенко В.Л., Кириллов Е.Л., Лазаревская Н.А., Монгуш К.М., Монгуш М.А., Семенов А.В. Раскопки

в долине р. Хондергей в 2021 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук: (охранная археология). СПб. : Невская Типография, 2021. С. 139–160.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т.-О. Элитный хуннуский курган Хух удзурийн дугуй-II-1 и его значение для реконструкции погребального ритуала хунну (предварительное сообщение) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Иркутск : Изд-во Ирк. техн. ун-та, 2011. С. 329–355.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува (От палеолита до IX в). М. : МГУ, 1979. 208 с.

Марсадалов Л.С. Хронологические тенденции развития бронзовых котлов на Алтае и в соседних регионах в хуннуское время // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. XXIV. С. 111–118.

Металлические котлы ранних кочевников Жетысу. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 282 с.

Ожередов Ю.И. Хуннуский чайник: формальное и химическое содержание // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. №2. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 230–234.

Плетнева Л.М., Мец Ф.И. Ритуальный комплекс эпохи раннего железа в Томском Приобье // Приобье глазами археологов и этнографов: материалы и исследования к «Энциклопедии Томской области». Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 10–25.

Садыков Т.Р., Каспари Дж., Блохин Е.К. Курган Туннуг-1 — новые данные об «аржанском горизонте» раннескифской культуры // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. СПб. : ИИМК РАН, 2021. С. 224–246.

Спицин А.А. Археологический альбом // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб., 1915. Т. XI. С. 1–26.

Такахама Шу. Происхождение котлов хуннуского типа // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 229–232.

Топал Д. Бронзовые котлы скифского периода из коллекции Национального музея истории Молдовы // *Tyragetia. Serie nouă*. 2020. №1 (29). С. 141–161.

Хаврин С.В. Металл некоторых памятников Тувы в контексте металлургии Саяно-Алтая скифского времени. Приложение 1. // Вл.А. Семенов. Суглуг-Хем и Хайырыкан — могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. С. 211–213.

Хаврин С.В. Металл памятников пазырыкской культуры из курганов Чуи и Урсула // Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 278–281.

Хаврин С.В. Металл эпохи хунну могильника Терезин (Тува) // Археологические вести. Вып. 22. СПб. : ИИМК РАН, 2016. С. 105–107.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. : Наука, 1967. 300 с.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. 500 с.

Érdy M.Z. An Overview of the Xiongnu Type Cauldron Finds of Eurasia in Three Media, with Historical Observations» [Az eurázsiai Xiongnu típusú üstleletek áttekintése három anyagban, történelmi észrevételekkel]. In Bruno Genito ed. The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli : Instituto Universitario Orientale, 1994. Pp. 379–438.

Khavrin S.V. Metal of the Xiongnu Period. from the Terezin Cemetery, Tuva. In: Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia // Contribution to Asian Achaology. 2011. Vol. 5. P. 537–538.

REFERENCES

Bokovenko N.A. Typology of Bronze Cauldrons of the Sarmatian Period in Eastern Europe. *Sovetskaya arheologiya = Soviet Archaeology*. 1977;4:228–235. (In Russ.)

Bokovenko N.A. Bronze Cauldrons of the Epoch of Early Nomads in the Asian Steppes. In: Problems of West Siberian Archaeology. The Iron Age. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1981. Pp. 42–52. (In Russ.)

Bokovenko N.A., Zasetkaya I.P. The Origin of Boilers of the “Hun” Type of Eastern Europe in the Light of the Problem of Hun-Hun Relations in Eastern Europe. *Peterburgskij arheologicheskij vestnik = St. Petersburg Archaeological Bulletin*. 1993;3:73–88. (In Russ.)

Borodovsky A.P., Novikov A.V. Medieval Cauldron from the Valley of the Kucherla River (Gorny Altai). In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. T. V. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1999. Pp. 288–295. (In Russ.)

Borodovsky A.P., Tishkin A.A., Khavrin S.V. Preliminary Results of Studies of the Composition of Metal Products of the July Treasure (Republic of Khakassia). In: Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XVIII. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2012. Pp. 175–179. (In Russ.)

Vainshtein S.I. The History of Folk Art of Tuva. Moscow : Nauka, 1974. 224 p. (In Russ.)

Vainshtein S.I., Dyakonova V.P. The Sites in the Kokel Burial Ground of the End of the 1st Millennium BC — the First Centuries AD. In: Proceedings of the Tuvan Complex Archaeological and Ethnographic Expedition [1959–1960]. Vol. II. Moscow ; Leningrad, 1966. Pp. 185–291. (In Russ.)

Demidenko S.V. Bronze Cauldrons of Ancient Tribes of the Lower Volga Region and the Southern Urals (the 5th century BC — the 3rd AD). Moscow : Editorial URSS, 2008. 328 p. (In Russ.)

Kilunovskaya M.E., Semenov V.A., Klyuchnikov T.A., Galukhin L.L., Denisenko V.L., Kirillov E.L., Lazarevskaya N.A., Mongush K..M., Mongush M.A., Semenov A.V. Excavations in the Valley of the Hondergeim River in 2021. In: Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy Sciences: (conservation archaeology). St. Petersburg : Nevskaya Tipografiya, 2021. Pp. 139–160. (In Russ.)

Kovalev A.A., Erdenebaatar D., Iderhangai T.O. The Elite Xiongnu Burial Mound Huh Uzuriyn Dugui-II-1 and Its Significance for the Reconstruction of the Funeral Ritual of the Xiongnu (preliminary report). In: Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Irkutsk : Izd-vo Irk. techn. un-ta, 2011. Pp. 329–355. (In Russ.)

Kyzlasov L.R. Ancient Tuva (From the Paleolithic to the IX century). Moscow : MGU, 1979. 208 p. (*In Russ.*)

Marsadolov L.S. Chronological Trends in the Development of Bronze Boilers in Altai and Neighboring Regions in the Hunnic Period. In: Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory. Issue XXIV. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018. Pp. 111–118. (*In Russ.*)

Metal Cauldrons of the Early Zhetysu Nomads. Almaty : Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2017. 282 p. (*In Russ.*)

Ozheredov Yu.I. Hunnu Teapot: Formal and Chemical content. In: Modern Solutions to Topical Problems of Eurasian Archaeology. No. 2. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018. Pp. 230–234. (*In Russ.*)

Pletneva L.M., Metz F.I. The Ritual Complex of the Early Iron Age in the Tomsk Region. In: Priobye through the Eyes of Archaeologists and Ethnographers: Materials and Research for the “Encyclopedia of the Tomsk Region”. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1999. Pp. 10–25. (*In Russ.*)

Sadykov T.R., Kaspari J., Blokhin E.K. Kurgan Tunnug-1 — New Data on the “Arzhan Horizon” of the Early Scythian Culture. In: Creator of Culture. The Material Culture and the Spiritual Space of Man in the Light of Archaeology, History and Ethnography. St. Petersburg : IIMK RAN, 2021. Pp. 224–246. (*In Russ.*)

Spitsyn A.A. Archaeological album. In: Notes of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Russian Archaeological Society. St. Petersburg, 1915. Vol. XI. Pp. 1–26. (*In Russ.*)

Takahama Shu. The Origin of the Hun-Type Cauldrons. In: Modern Solutions to Topical Problems of Eurasian Archaeology. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2013. Pp. 229–232. (*In Russ.*)

Topal D. Bronze Cauldrons of the Scythian Period from the Collection of the National Museum of History of Moldova. *Tyragetia. Serie nouă*. 2020;1(29):141–161. (*In Russ.*)

Khavrin S.V. Metal of Some Sites of Tuva in the Context of Metallurgy of the Sayano-Altai of the Scythian Period. Appendix 1. In: V.A. Semenov. Suglug-Khem and Khayyrakan are Burial Grounds of the Scythian Period in the Central Tuvan Basin. St. Petersburg : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. Pp. 211–213. (*In Russ.*)

Khavrin S.V. Metal of the Sites of the Pazyryk Culture from the Mounds of Chuya and Ursula. In: Kubarev V.D., Shulga P.I. Pazyryk Culture (Chui and Ursula mounds). Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. Pp. 278–281. (*In Russ.*)

Khavrin S.V. Metal of the Xiongnu Era of the Terezin Burial Ground (Tuva). In: Archaeological News. Issue XXII. St. Petersburg : IIMK RAN, 2016. Pp. 105–107. (*In Russ.*)

Chlenova N.L. The Origin and Early History of the Tribes of the Tagarian Culture. Moscow : Nauka, 1967. 300 p. (*In Russ.*)

Chugunov K.V., Parzinger G., Nagler A. The Royal Burial Mound of the Scythian Period Arzhan-2 in Tuva. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2017. 500 p. (*In Russ.*)

Érdy M.Z. An Overview of the Xiongnu Type Cauldron Finds of Eurasia in Three Media, with Historical Observations» [Az eurázsiai Xiongnu típusú üstleletek áttekintése három anyagban, történelmi észrevételekkel]. In Bruno Genito ed. The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies. Napoli : Instituto Universitario Orientale, 1994. Pp. 379–438.

Khavrin S.V. Metal of the Xiongnu Period. from the Terezin Cemetery, Tuva. In: Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. *Contribution to Asian Achaology*. 2011;5:537–538.

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Семенов А.В.: разработка концепции исследования, историографический анализ, подбор литературы, выводы.

A.V. Semenov: development of the research concept, historiographical analysis, selection of literature, conclusions.

Денисенко В.Л.: подбор аналогий, описание артефактов, оформление текста и иллюстраций.

V.L. Denisenko: search for analogies, description of artifacts, design of text and illustrations.

Хаврин С.В.: проведение рентгенофлуоресцентного анализа, исследование результатов, заключение по элементному составу металла.

S.V. Khavrin: X-ray fluorescence analysis, study of results, conclusion on the elemental composition of metal

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Семенов Анатолий Владимирович, младший научный сотрудник Отдела Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Anatoly V. Semenov, Junior Researcher, the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

Денисенко Валерия Леонтьевна, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН; аспирант Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск, Россия.

Valeria L. Denisenko, Junior Researcher, the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

Хаврин Сергей Владимирович, старший научный сотрудник Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия.

Sergey V. Khavrin, Senior Researcher at the Department of Scientific and Technical Expertise of the State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024;

одобрена после рецензирования 04.06.2024;

принята к публикации 14.06.2024.

The article was submitted 05.05.2024;

approved after reviewing 04.06.2024;

accepted for publication 14.06.2024.